

Д. С. Иконников, С. Н. Артемова

СКотоводческо-земледельческая стадия хозяйственного освоения ландшафтов Пензенской области¹

Аннотация.

Актуальность и цели. Результаты взаимодействия человека с природой в отдельные исторические периоды накладываются друг на друга и формируют своеобразные культурные ландшафты. Отслеживание многовековых процессов хозяйственного освоения территории регионов, объяснение изменений типов землепользования позволяет оценить опыт этносов в создании адаптивного природопользования и сохранении культурного наследия. Цель данной работы – раскрыть особенности формирования культурных ландшафтов Пензенской области в период со II тыс. до н.э. по первую половину II тыс. н.э., который характеризуется как скотоводческо-земледельческая стадия хозяйственного освоения.

Материалы и методы. В основе работы лежит метод пространственно-временного анализа процесса хозяйственного освоения, основанный на сравнении палеогеографических, археологических и исторических данных с современными ландшафтами.

Результаты. Рассматриваемый период хозяйственного освоения территории Пензенской области характеризуется изменением климата в сторону похолодания, что способствовало распространению лесов. Сочные луга служили пастбищами, а ландшафты пойм и надпойменных террас были благоприятны для земледелия. Изменение климата сказывается на миграции населения и тесном контакте с разными этносами. Происходит рост численности населения, развитие сельского хозяйства, ремесел, строительства.

Выводы. На начальной стадии производящего хозяйства в регионе произошло увеличение численности населения и проявились первые негативные природные процессы на локальном уровне. Наиболее существенная трансформация ландшафтов произошла в долинах рек Суры и Мокши, причем по-разному в поймах (мотыжное земледелие) и на склонах в долинах малых рек (подсечно-огневое земледелие). Однако в культуре народов, которые положили начало коренному преобразованию зональных ландшафтов, отражается знание природы и элементы адаптивного природопользования.

Ключевые слова: историко-географический анализ, культурные ландшафты, Пензенская область, Верхнее Посурье и Примокшанье, скотоводческо-земледельческая стадия, сельское хозяйство.

D. S. Ikonnikov, S. N. Artemova

CATTLE-FARMING STAGE OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF LANDSCAPES OF PENZA REGION

Abstract.

Background. The results of human interaction with nature in certain historical periods overlap and form a kind of cultural landscapes. Tracking the centuries-old

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ (региональный конкурс). Проект № 17-11-58005-ОГН\18.

© 2018 Иконников Д. С., Артемова С. Н. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

processes of economic development of the territory of the regions, explaining changes in land-use types allows us to evaluate the experience of ethnic groups in the creation of adaptive environmental management and the preservation of cultural heritage. The purpose of this work is to reveal the peculiarities of the formation of cultural landscapes of the Penza region in the period from the 2nd millennium BC. in the first half of the second millennium AD, which is characterized as a pastoral-agricultural stage of economic development.

Materials and methods. The work is based on the method of spatial-temporal analysis of the process of economic development, based on a comparison of paleogeographic, archaeological and historical data with modern landscapes.

Results. The considered period of economic development of the territory of Penza region is characterized by climate change towards cooling, which contributed to the spread of forests. The lush meadows served as pastures, and the landscapes of floodplains and floodplain terraces were favorable for farming. Climate change affected population migration and close contact with different ethnic groups. There was an increase in population, the development of agriculture, crafts, construction.

Conclusions. At the initial stage of the producing economy in the region, an increase in the population occurred and the first negative natural processes appeared at the local level. The most significant transformation of landscapes occurred in the valleys of the rivers Sura and Moksha, and in different ways in the floodplains (hoe agriculture) and on the slopes in the valleys of small rivers (slash-and-burn agriculture). However, the culture of the peoples who initiated the radical transformation of zonal landscapes reflects knowledge of nature and elements of adaptive nature management.

Keywords: historical and geographical analysis, cultural landscapes, Penza region, Upper Posurye and Primokshanye, cattle-farming stage, agriculture.

Сохранение культурного и исторического наследия регионов является актуальной задачей современного общества в связи с процессом глобализации и стирания различий культур коренных этносов. Отслеживание многовековых процессов хозяйственного освоения территории регионов, объяснение изменений типов землепользования позволяет оценить опыт этносов в создании адаптивного природопользования и сохранения культурного наследия. На региональном уровне исследования процессов хозяйственного освоения направлены на пространственно-временной анализ взаимодействия человека с природой, установление длительности использования природно-ресурсного потенциала ландшафтов, времени возникновения и направленности негативных природных процессов, роли этносов в формировании современных культурных ландшафтов. Под культурным ландшафтом мы понимаем «целостное проявление национальной культуры в определенных географических условиях» [1], где на одной территории отражаются элементы культуры разных народов и исторических эпох.

Территория Пензенской области расположена в лесостепной зоне, где ландшафты лесов и степей имеют высокий природно-ресурсный потенциал и длительный период интенсивного хозяйственного освоения. На ранних этапах освоения взаимодействие человека с природными ландшафтами происходило под влиянием природных факторов и процессов [2]. С переходом к производящему хозяйству происходят коренные преобразования природных ландшафтов и зарождение экологических проблем, которые унаследовали современные ландшафты.

В данной работе предпринята попытка раскрыть особенности формирования культурных ландшафтов региона в период II тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э., который характеризуется как скотоводческо-земледельческая стадия хозяйственного освоения. Объектом исследования является исторический район Верхнего Посурья и Примокшанья, который территориально совпадает с Пензенской областью.

Материалы и методы

В основе работы лежит метод пространственно-временного анализа процесса хозяйственного освоения, отраженный в работах К. П. Космачева [3], В. А. Дергачева [4] и др. На каждом этапе хозяйственного освоения формируется определенная структура использования земель, изменения природных процессов в ландшафтах и культура взаимоотношений этносов с природой. Исторический метод позволяет рассмотреть временную смену состояния культурных ландшафтов.

Информационная база формируется из сведений археологических и исторических источников и комплекса географических данных (минеральные, почвенные, водные, растительные и промысловые ресурсы). Для анализа данного исторического отрезка на исследуемой территории послужили археологические материалы, которые содержатся в работах Г. Н. Белорыбкина [5], М. Р. Полесских, В. В. Ставицкого и др. [6]. Об особенностях природы этого периода можно судить лишь по палеогеографическим данным среднего голоцена, которые были проанализированы в предыдущих работах [7]. Результаты пространственно-временного анализа процесса хозяйственного освоения данного исторического среза отражены на карте (рис. 1).

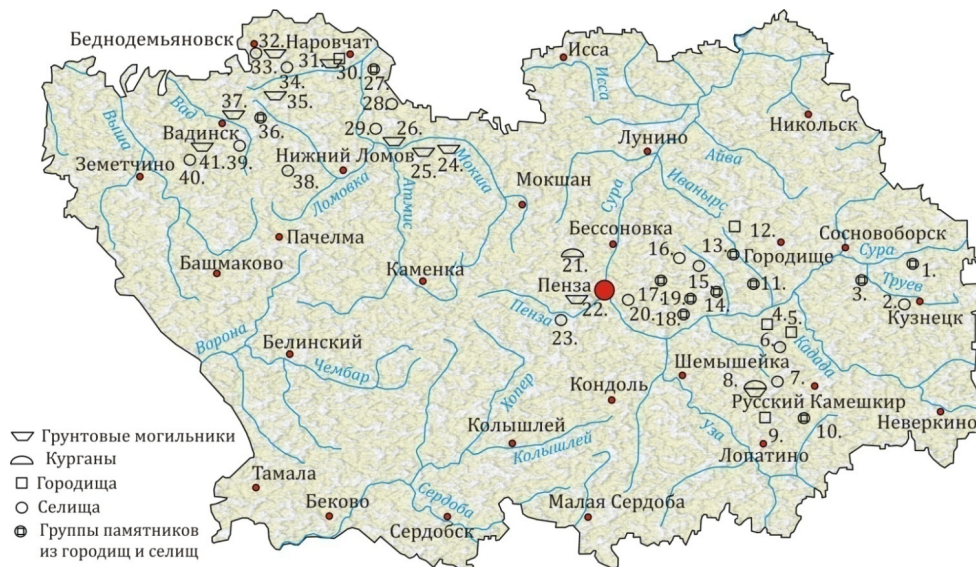


Рис. 1. Городища и селища на территории Пензенской области первой половины II тыс. н.э. (Источники: [5, 8])

1. Среднелиповское городище и Среднелиповское селище (X–XIII вв.). 2. Никольское селище (XIII–XIV вв.). 3. Русско-Труевское городище и Русско-Труевское селище (XI–XIII вв.). 4. Чадаевское городище (XI–XIII вв.). 5. Трескинское городище (XII–

XIII вв.). 6. Саловское селище (XIII–XIV вв.). 7. Группа селищ Валдалуга I–VII (IX–XI вв.). 8. Армиевский курганно-грунтовой могильник (IX–XI вв.). 9. Армиевское городище (IX–XI вв.). 10. Неклюдовские I–II городища и Неклюдовские I–II селища. 11. Сундровские городище и селище (X–XIII вв.). 12. Юловское городище (X–XIII вв.). 13. Садовские I–II городища и Садовское селище (XII–XIII вв.). 14. Мордовско-Ишимское городище, Мордовско-Ишимское селище. 15. Чемодановское селище (VIII–XIII вв.). 16. Васильевское селище (VIII–XI вв.). 17. Селиксенское городище и Кижеватовские I–III селища (XI–XIII вв.). 18. Золотаревское городище и Золотаревские I–III селища (VIII–XIII вв.). 19. Николо-Райское городище, Николо-Райское селище (XI–XIII вв.). 20. Калашный Затон (XIII–XIV вв.). 21. Рамзайские курганы (XIII–XIV вв.). 22. Кривозерский могильник (X–XI вв.). 23. Александровское селище (XIII–XIV вв.). 24. Чернозерский могильник (XIV–XV вв.). 25. Долгоруковский могильник (XIV–XV вв.). 26. Казбекский могильник (XIV в.). 27. Скановское городище и Скановское селище (XII–XIV вв.). 28. Селище «Красный Восток» (XII–XIV вв.). 29. Самодуровское селище (X–XI вв.). 30. Наровчатское городище (XIII–XV вв.). 31. Старосотенский могильник (XII–XIV вв.). 32. Беднодемьяновское селище (X–XIII вв.). 33. Беднодемьяновский могильник (XII–XIII вв.). 34. Захаркинское селище (X–XIII вв.). 35. Могильник Татарская Лака II (XI–XIII вв.). 36. Кармалейское городище (X–XI вв.) и Кармалейское селище (X–XI и XIII–XIV вв.). 37. Кармалейский могильник (X–XI и XIII–XIV вв.). 38. Селище «Котел» (X–XIII вв.). 39. Коповское селище (XII–XIV вв.). 40. Сядемское селище (X–XIII вв.). 41. Сядемский могильник (XII–XIV вв.)

Результаты и обсуждения

Исследуемый временной период в палеогеографии совпадает с началом субатлантического периода позднего голоцена, для которого характерна общая тенденция к похолоданию климата с незначительными колебаниями температуры. Это стадия господства лесов и постепенного вытеснения широколиственных видов деревьев хвойными. Сочные луга служили пастбищами, а ландшафты пойм и надпойменных террас были благоприятны для земледелия. Изменение климата сказывается на миграции населения. Не позднее II тыс. до н.э. в регионе появляется производящее хозяйство, преимущественно представленное оседлым скотоводством (возможно, с элементами земледелия), которое прослеживается у представителей срубной и балановской культур.

В I тыс. до н.э. на исследуемой территории проживали племена городецкой культуры раннего железного века, языковая принадлежность которых остается дискуссионной. Основой хозяйства населения городецкой культуры было оседлое животноводство с элементами земледелия, о существовании которого говорили находки палеоботанических материалов, представленных зерновками пшеницы, ржи, ячменя, проса на поселении Студеновка III (территория Липецкой области) и находки орудий труда (песты-терочники, расстиральные плиты) [9]. Однако памятники городецкой культуры Верхнего Понурья и Примокшанья еще слабо изучены и пока невозможно судить о характере хозяйства населения данного локального варианта.

Косвенные данные указывают на то, что у мордвы, широко расселившейся по территории региона в I тыс. н.э., было подсечно-огневое земледелие. Почва не перепаживалась, а разравнивалась и разрыхлялась орудием, напоминающим борону-суковатку. Большую роль в хозяйстве играло также животноводство. Вопрос о том, какая из этих отраслей хозяйства преобладала

ла, остается дискуссионным. Охота и рыболовство имели сравнительно небольшое значение [10]. География мордовских археологических памятников Верхнего Посурья и Примокшанья данного периода показывает, что при выборе места для поселения руководствовались не только удобством для земледелия и разведения скота, но и нуждами обороны, а возможно, и интересами ведения торговли. Преимущественно выбирались крутые берега рек и склоны лесных балок.

Изменения природного ландшафта происходило по-разному в поймах крупных рек (где могло развиваться мотыженное земледелие) и на склонах речных долин и в поймах малых рек (где было целесообразным использование подсеčno-огневой системы). При подсеке на хорошо дренируемых супесчаных и легкосуглинистых участках семена бросали в почву без предварительной обработки. Через три-четыре года поле забрасывалось, зарастало лесом или использовалось под пастбища.

Можно говорить лишь о локальных конфликтах человека с природой в отдельных участках крупных речных долин. На склонах речных долин в местах нарушенного поверхностного слоя почв происходил плоскостной смыл, который приносил в русло дополнительный твердый материал. Это вызывало наводнения, вынос аллювия на дно долины и местное погребение культурного слоя. В долине Суры и Мокши можно встретить углефицированные прослойки на глубине 0,5–0,8 м [11].

Первая половина II тыс. н.э. представляет собой особый этап в истории Верхнего Посурья и Примокшанья. Климат этого периода центра Русской равнины отличался значительными изменениями. Более прохладное лето и холодная снежная зима XI в. сменялась сухим жарким летом и морозной зимой в XII в. В XIII в. климат снова более влажный и прохладный. Это, с одной стороны, способствовало увеличению продуктивности лесных экосистем лесостепных ландшафтов Верхнего Посурья и Примокшанья и развитию земледелия и животноводства, с другой стороны, способствовало миграции населения и контакта с другими этносами, преимущественно населением русских княжеств и волжскими булгарами и др. [12].

В это время регион становится частью Волжской Булгарии (Верхнее Посурье – в X–XI вв., Верхнее Примокшанье – не позднее XII в.), а затем входит в состав Золотой Орды (середина XIII–XIV вв.). С точки зрения истории материальной культуры этот период имеет ряд важных особенностей. В X–XI вв. в Верхнем Посурье и Примокшанье впервые в истории региона широко распространяются поселенческие памятники с мощной оборонительной системой, состоящей из валов и рвов. Многочисленность памятников булгарского типа, известных на территории Верхнего Посурья и Примокшанья, свидетельствовала о быстром росте численности населения за счет миграции. Городища в домонгольский период вероятнее всего были опорными военными пунктами и центрами, откуда осуществлялось административное руководство округой и обеспечение порядка на торговых путях (см. рис. 1).

Существенной особенностью этого исторического периода было распространение пашенного земледелия, быстрое развитие различных видов промыслов, ремесел, строительного дела и т.д. Кроме того, в это время активно развиваются торговые отношения. Это требовало функционирования особой инфраструктуры, связанной с содержанием и охраной торговых пу-

тей, в частности проходившего через территорию региона крупного сухопутного пути «Из Булгара в Киев». В золотоордынское время в регионе появляется крупный торгово-экономический центр, город Мохши (Наровчатское городище).

Наиболее важные факторы, усиливающие воздействие человека на окружающую природу в первой половине II тыс. н.э., безусловно, были связаны с хозяйственной деятельностью местного населения.

Сельское хозяйство и промыслы. Население региона в X–XV вв. занималось земледелием, животноводством, охотничьим и рыболовным промыслами. Об этом говорят находки земледельческих орудий, хозяйственных сооружений, палеоботанических материалов и т.д. Земледельческие орудия были представлены плужными лемехами (6 экземпляров, железо), плужными ножами (10 экземпляров, железо), сошниками (2 экземпляра, железо), полицами (2 экземпляра, железо), серпами (47 экземпляров, железо), косами-горбушами (9 экземпляров, железо) и жерновами (78 экземпляров, камень) [6, с. 9–18]. Находки деталей тяжелого плуга свидетельствовали о том, что у местного населения на протяжении первой половины II тыс. н.э. существовало пашенное земледелие. Вероятнее всего плуг с лемехом был занесен на территорию региона из Волжской Булгарии. Многочисленность земледельческих орудий на археологических памятниках того времени указывает на значительные масштабы земледельческих работ. Применение сох обычно связывают с переходом к паровой системе [9]. Зернохранилища были представлены зерновыми ямами (7 сооружений) и двумя постройками, интерпретируемыми как амбары с территории Золотаревского городища [6, с. 17, 18]. Палеоботанические материалы были встречены на Золотаревском и Неклюдовском I городищах домонгольского времени. Злаковые были представлены просом, рожью, полбой-двузернянкой, овсом, мягкой пшеницей, ячменем и карликовой пшеницей, бобовые – горохом и чечевицей [6, с. 18, 19]. Примечательно, что в составе палеоботанических материалов, происходивших с территории Золотаревского городища, были встречены семена сорных трав, большинство которых плодоносит во второй половине лета и осенью, что говорило о том, что все культуры были яровыми. Сравнительно большая засоренность палеоботанических материалов указывала на то, что сельскохозяйственные угодья использовались в течение длительного времени [13]. Система земледелия в это время могла быть либо переложной, либо паровой (двуполье).

В условиях Верхнего Посурья и Примокшанья переход к масштабному пашенному земледелию должен был сопровождаться расчисткой больших площадей от леса, что само по себе должно было заметно воздействовать на структуру почвы. Не исключено, что для этого использовались палы. Уничтожение больших площадей леса, вероятнее всего, приводило к изменению гидрологического режима, усилению эрозионных процессов, количественному уменьшению древесного опада и т.д. [14, с. 145, 146]. Следовавшая за этим распашка приводила к тому, что изменялась структура почвы, кроме того, распашка влияла на почвенную фауну [14, с. 131–137]. Таким образом, крупномасштабная распашка в первой половине II тыс. н.э. в Верхнем Посурье и Примокшанье приводила к деградации почв, усилению плоскостного смыва, заилению рек.

Картина развития животноводства реконструируется на основе палеозоологических материалов. Кости животных собраны в Юловском (XI–XIII вв.), Неклюдовском I (XI–XIII вв.), Золотаревском (VIII–XIII вв.), Садовском II (XII–XIII вв.) и Наровчатском (XIII–XIV вв.) городищах и Никольском селище (XIII–XIV вв.) [6, с. 24, 25]. На домонгольских и золотоордынских памятниках Верхнего Посурья и Примокшанья нередко встречаются определенные категории металлических изделий, которые косвенно подтверждают наличие животноводства у местного населения. Так, пружинные и шарнирные ножницы могли использоваться при стрижке овец. О наличии коневодства говорят находки деталей конского снаряжения на домонгольских памятниках: стремена, подковы, ледоходные конские шипы, наверхия плетей-нагаек, петли от плетки-нагайки, распределители ремней, соединительные кольца, ременные накладки и т.д. [6, с. 24, 25].

Видовой состав стад был Юловского и Садовского II городищ в основном определен А. Г. Петренко и О. Г. Богаткиной [15–17], состав стад Золотаревского городища был определен В. Г. Левковичем и З. Л. Гуц [5, с. 174]. Во всех случаях преобладали кости крупного и мелкого рогатого скота и лошади [6, с. 26–28]. В материалах Наровчатского городища в разные годы встречались кости и зубы лошадей, коров и овец [18, 19].

Существование рыболовного промысла подтверждалось находками костей рыб и рыболовными принадлежностями. Кости рыб встречены на Юловском городище в 1989 г. (6 экземпляров), 1990 г. (3 экземпляра) и 1991 г. (1 экземпляр). Доля костей рыб составляла 0,06–0,3 % от всех остеологических материалов с раскопа [16, табл. 1–3]. Рыболовные приспособления были представлены рыболовными крючками (23 экземпляра, железо) и иглами для плетения сетей (5 экземпляров, кость) [10, с. 102]. На наличие охотничьего промысла у местного населения указывают находки костей диких животных и детали охотничьего вооружения, преимущественно представленного наконечниками стрел [10, с. 102]. Кости диких животных были встречены на Юловском городище. Они принадлежали лосю (0,06–0,27 % от общих поступлений за год), зайцу (0,06–0,07 %), медведю (0,2 %), барсуку (0,06 %) [15, табл. 1–3, 6]. Количество особей диких животных составляло 0–0,57 % от минимального количества общего числа особей [16, табл. 4]. В целом охота и рыбная ловля явно не играли существенной роли в экономической жизни местного населения в первой половине II тыс. н.э.

Ремесленная деятельность. На памятниках Верхнего Посурья и Примокшанья XI–XIV вв. встречаются следы черной и цветной металлообработки, гончарного, деревообрабатывающего, косторезного и кожевенного дел.

Следы металлообработки представлены отходами производства и кузнечными инструментами, представленными молотами (2 экземпляра, железо), молотками (2 экземпляра, железо), ювелирными молоточками (7 экземпляров, железо), наковальнями (2 экземпляра, железо), клещами (1 экземпляр, железо), зубилами с цельнометаллической ручкой (20 экземпляров, железо), втульчатым зубилом (1 экземпляр, железо), бородками (3 экземпляра, железо), пинцетами (12 экземпляров, бронза (10 экземпляров), железо (2 экземпляра)), матрицами-штампами (10 экземпляров, бронза), матрицами для работы с пуансоном (4 экземпляра, бронза (3 экземпляра), железо (1 экземпляр)), пуансонами (5 экземпляров, железо), литейными формами (2 экземпляра,

бронза, камень), тиглями (6 экземпляров, глина), льячками (4 экземпляра, глина), штампом (1 экземпляр, бронза) [6, с. 37–44].

Особенностью гончарного ремесла в первой половине II тыс. н.э. было широкое распространение горнового обжига посуды. Гончарные горны встречены на Кижеватовском III селище XI–XIII вв., Юловском городище XI–XIII вв. и Наровчатском городище XIII–XIV вв. [6, с. 55, 56]. На памятниках этого времени численно преобладает круговая керамика горнового обжига [6, с. 56, 57].

Кроме того, на археологических памятниках исследуемого периода нередко встречаются деревообрабатывающие инструменты, представленные топорами (62 экземпляра, железо), теслами (32 экземпляра, железо), пилами (3 экземпляра, железо), долотами (11 экземпляров, железо), скобелями (5 экземпляров, железо) и т.д. Косторезное дело реконструируется по находкам косторезных инструментов, представленных сверлами (3 экземпляра, железо), пилкой (1 экземпляр, железо), напильниками (2 экземпляра, железо), а также заготовок и полуфабрикатов из кости и самих костяных изделий. Кроме того, местное население занималось обработкой кожи, о чем свидетельствуют находки некоторых инструментов (сапожных ножей (5 экземпляров, железо) и шильев (56 экземпляров, железо)) [6, с. 81–86]. Предположительно из кожи изготавливалась одежда и обувь, а также поясные ремни, о широком употреблении которых говорят находки большого количества пряжек из железа и бронзы. Кожаные ремни могли также использоваться для фиксации конской упряжи. На это указывают находки большого числа деталей конского снаряжения с памятников Верхнего Посурья и Примокшанья домонгольского и золотоордынского времени.

Строительство. Другим важным антропогенным фактором, безусловно, наложившим свой отпечаток на окружающую природу, стало активное крепостное и жилищное строительство. X–XIII вв. стали периодом активного фортификационного строительства. По всему региону возникают крепости со сложной системой укреплений, следы которых сохраняются до настоящего времени [5, с. 62]. Такое активное строительство должно было вызвать потребность в строительных материалах, в качестве которых служили деревья определенных видов (вероятнее всего дуб, сосна и т.д.). Вероятнее всего в ходе строительных работ имела место выборочная вырубка, преимущественно в районах, находящихся неподалеку от места строительства. Лес как особая биологическая система при этом не исчезал, но видовой состав древесных пород изменялся. Кроме того, изменялась структура леса как экосистемы, так как в первую очередь вырубались деревья верхнего яруса, наиболее пригодные для строительства. Большое количество древесины и древесной коры (лыко, береста) шло на изготовление домашней утвари, для бытовых и хозяйственных нужд. Об активном использовании древесины говорят многочисленные находки деревообрабатывающих орудий на археологических памятниках первой половины II тыс. н.э.

Выводы

Таким образом, к концу первой половины II тыс. н.э. на территории Пензенской области происходит существенная перестройка пространственной структуры культурного ландшафта, которая выражается в возникновении

городов, городищ, окруженных системой селищ, а затем и одного крупного улусного города (Мохши) со смешанным населением. Рисунок освоения представлял собой чередование селитебных, пашенных, подсек, перелогов, первых стадий восстановления леса, пастбищных территорий с естественным ландшафтом лесов и степей. Наибольшей освоенностью отличались долины р. Суры и Мохши, а также придолинные их участки, особенно в местах слияния рек. К слабоосвоенным природным комплексам относились лесные типы местностей останцово-водораздельных массивов, приводораздельные и водораздельные местности. Это время перестройки природных процессов под влиянием хозяйственной деятельности. Подсечно-огневое (перелог) и пашенное земледелие способствовали тому, что человек свел большую часть пригодных для пашенного земледелия лесов. Кроме того, развитие черной и цветной металлообработки требовало значительного количества древесного угля. Гончарное и металлообрабатывающие производства увеличивали вероятность возникновения антропогенных пожаров, оказывавших большое влияние не только на растительность, но также и на структуру почвы, ее химический состав и т.д. [14, с. 156–165]. Большую роль в изменении площади и видовой структуры леса сыграло строительство. Охота и рыболовство играли только вспомогательную роль в хозяйственной деятельности.

В целом характер взаимоотношений человека с природой усложняется. С одной стороны, наблюдается заметное «наступление» человека на природу, выражающееся в основном в деградации лесных ландшафтов. С другой стороны, крестьянин-земледелец должен иметь глубокие знания о лесе, который его кормит, в радиусе 50 км (размер вмещающего ландшафта одной семьи). Характер взаимоотношений населения и культурного ландшафта отражается в религиозных верованиях мордвы. Древняя мордва с большим почтением относилась к природе, создавала охраняемые территории и святые места, что способствовало сохранению природно-ресурсного потенциала ландшафтов.

Библиографический список

1. Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье / В. Н. Калущков, А. А. Иванова, Ю. А. Давыдова, Л. В. Фадеева, Е. А. Родионов // Семинар «Культурный ландшафт»: сб. докл. – М., 1998. – 136 с.
2. **Иконников, Д. С.** Особенности формирования культурных ландшафтов Пензенской области на ранних этапах / Д. С. Иконников, С. Н. Артемова, О. Ф. Приказчикова, М. Л. Жогова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Естественные науки. – 2017. – № 4 (20). – С. 116–127.
3. **Космачев, К. П.** Процесс хозяйственного освоения территории как объект экономико-географических исследований / К. П. Космачев // Доклады Института географии Сибири и дальнего Востока. – Иркутск, 1969. – Вып. 24. – С. 65–75.
4. **Дергачев, В. А.** Пространственно-временная стратификация хозяйственного освоения территории и географическое прогнозирование / В. А. Дергачев // Географические исследования в Московском университете: Традиции, перспективы. – М., 1976. – С. 208–212.
5. **Белорыбкин, Г. Н.** Западное Поволжье в средние века / Г. Н. Белорыбкин. – Пенза, 2003. – 199 с.
6. **Иконников, Д. С.** Очерки истории хозяйства Верхнего Посурья и Примокшанья XI–XIV вв.: Археологическое исследование / Д. С. Иконников. – Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. – 187 с.

7. **Артемова, С. Н.** Общая характеристика развития и динамики ландшафтов Верхнего Посурья и Примокшанья в голоцене / С. Н. Артемова, Д. С. Иконников, С. П. Ломов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Естественные науки. – 2017. – № 3 (19). – С. 91–106.
8. **Полесских, М. Р.** Археологические памятники Пензенской области : путеводитель / М. Р. Полесских. – Пенза, 1970. – 158 с.
9. Культура Биляра: Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. – М., 1985. – 216 с.
10. **Иконников, Д. С.** Промысловая деятельность населения Верхнего Посурья и Примокшанья VII–XI вв. / Д. С. Иконников // Поволжские финны и их соседи в древности и средние века : материалы III Всерос. науч. конф. (г. Саранск, 30 ноября 2011 г.). – Саранск, 2011. – С. 101–108.
11. **Ломов, С. П.** Эоловые геосистемы (памятники неолита), современные и погребенные почвы пойм бассейна р. Суры / С. П. Ломов, Н. Н. Солодков. – Пенза : ПГУАС, 2014. – 196 с.
12. **Ямашкин, А. А.** Геоэкологический анализ процесса хозяйственного освоения ландшафтов Мордовии / А. А. Ямашкин. – Саранск : Изд-во Мордовского ун-та, 2001. – 232 с.
13. **Зеленцова, О. В.** Отчет об археологических исследованиях на Золотаревском городище в 2005 году / О. В. Зеленцова // Архив Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. – М., 2006. – 23 с.
14. **Бобровский, М. В.** Лесные почвы Европейской России: биотические и антропогенные факторы формирования / М. В. Бобровский. – М. : Товарищество научных изданий КМК, 2010. – 359 с.
15. **Петренко, А. Г.** К истории хозяйственной деятельности населения Юловского городища / А. Г. Петренко // Страницы истории Волго-Донья. – Пенза, 1995. – С. 61–73.
16. **Богаткина, О. Г.** Структурные элементы скелета субфоссиотных млекопитающих Юловского городища как источник реконструкции морфологических признаков и хозяйственного использования этих животных / О. Г. Богаткина // Страницы истории Волго-Донья. – Пенза, 1995. – С. 73–85.
17. **Белорыбкин, Г. Н.** Отчет об археологических исследованиях в Пензенской области в 1989 году / Г. Н. Белорыбкин // Архив Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. – Пенза, 1990. – 22 с.
18. **Алихова, А. Е.** Отчет о раскопках Наровчатской археологической экспедиции в с. Наровчат Пензенской области / А. Е. Алихова // Архив Института археологии РАН. – Р-1. – № 2102. – М., 1960. – 12 с.
19. **Алихова, А. Е.** Отчет о раскопках Наровчатской археологической экспедиции в с. Наровчат Пензенской области / А. Е. Алихова // Архив Института археологии РАН. – Р-1. – № 2770. – М., 1963. – 12 с.

References

1. Kalutskov V. N., Ivanova A. A., Davydova Yu. A., Fadeeva L. V., Rodionov E. A. *Seminar «Kul'turnyy landshaft»: sb. dokl.* [Seminar “Cultural landscape”: collected reports]. Moscow, 1998, 136 p.
2. Ikonnikov D. S., Artemova S. N., Prikazchikova O. F., Zhogova M. L. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Estestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Natural sciences]. 2017, no. 4 (20), pp. 116–127.
3. Kosmachev K. P. *Doklady Instituta geografii Sibiri i dal'nego Vostoka* [Reports of the Institute of Geography of Siberia and the Far East]. Irkutsk, 1969, iss. 24, pp. 65–75.
4. Dergachev V. A. *Geograficheskie issledovaniya v Moskovskom universitete: Traditsii, perspektivy* [Geographic research at Moscow University: Traditions, prospects]. Moscow, 1976, pp. 208–212.

5. Belorybkin G. N. *Zapadnoe Povolzh'e v srednie veka* [Western Volga region in the middle ages]. Penza, 2003, 199 p.
6. Ikonnikov D. S. *Ocherki istorii khozyaystva Verkhnego Posur'ya i Primokshan'ya XI–XIV vv.: Arkheologicheskoe issledovanie* [Essays on the economic history of Upper Posurye and Primokshanye in XI–XIV centuries: an archeological research]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013, 187 p.
7. Artemova S. N., Ikonnikov D. S., Lomov S. P. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Estestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Natural sciences]. 2017, no. 3 (19), pp. 91–106.
8. Polesskikh M. R. *Arkheologicheskie pamyatniki Penzenskoy oblasti: putevoditel'* [Archeological memorials of Penza region: Guide]. Penza, 1970, 158 p.
9. *Kul'tura Bilyara: Bulgarskie orudiya truda i oruzhie X–XIII vv.* [The culture of Bilyar: Bulgarian implements and weapons of X–XIII centuries]. Moscow, 1985, 216 p.
10. Ikonnikov D. S. *Povolzhskie finny i ikh sosedi v drevnosti i srednie veka: materialy III Vseros. nauch. konf. (g. Saransk, 30 noyabrya 2011 g.)* [Volga region Finns and their neighbours in the ancient and middle ages: proceedings of III All-Russian scientific conference (Saransk, November 30th, 2011)]. Saransk, 2011, pp. 101–108.
11. Lomov S. P., Solodkov N. N. *Eolovye geosistemy (pamyatniki neolita), sovremennyye i pogrebennyye pochvy poym basseyna r. Sura* [Aeolian geosystems (memorials of the late Stone Age), modern and buried soils of floodplains of the Sura river basin]. Penza: PGUAS, 2014, 196 p.
12. Yamashkin A. A. *Geoekologicheskyy analiz protsessa khozyaystvennogo osvoeniya landshaftov Mordovii* [Geoecological analysis of economic development of landscapes in Mordovia]. Saransk: Izd-vo Mordovskogo un-ta, 2001, 232 p.
13. Zelentsova O. V. *Arkhir Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. G. Belinskogo* [Archive of Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky]. Moscow, 2006, 23 p.
14. Bobrovskiy M. V. *Lesnye pochvy Evropeyskoy Rossii: bioticheskie i antropogennyye faktory formirovaniya* [Forest soils of European Russia: biotic and anthropogenic factors of formation]. Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2010, 359 p.
15. Petrenko A. G. *Stranitsy istorii Volgo-Don'ya* [Pages of the history of Volga-Don region]. Penza, 1995, pp. 61–73.
16. Bogatkina O. G. *Stranitsy istorii Volgo-Don'ya* [Pages of the history of Volga-Don region]. Penza, 1995, pp. 73–85.
17. Belorybkin G. N. *Arkhir Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. G. Belinskogo* [Archive of Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky]. Penza, 1990, 22 p.
18. Alikhova A. E. *Arkhir Instituta arkheologii RAN. R-1. № 2102* [Archive of the Institute of Archeology of RAS. R-1. № 2102]. Moscow, 1960, 12 p.
19. Alikhova A. E. *Arkhir Instituta arkheologii RAN. R-1. № 2770* [Archive of the Institute of Archeology of RAS. R-1. № 2770]. Moscow, 1963, 12 p.

Иконников Дмитрий Сергеевич

кандидат исторических наук,
заведующий Антропологической
лабораторией, кафедра анатомии
человека, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: ikonnikof-ds@mail.ru

Ikonnikov Dmitriy Sergeevich

Candidate of historical sciences, head
of the Anthropological laboratory,
sub-department of human anatomy, Penza
State University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

Артемова Серафима Николаевна

кандидат географических наук, доцент,
кафедра географии, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: art-serafima@yandex.ru

Artemova Serafima Nikolaevna

Candidate of geographical sciences,
associate professor, sub-department
of geography, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 03.23.25+911.52

Иконников, Д. С.

Скотоводческо-земледельческая стадия хозяйственного освоения ландшафтов Пензенской области / Д. С. Иконников, С. Н. Артемова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2018. – № 4 (48). – С. 89–100. – DOI 10.21685/2072-3024-2018-4-9.